

ГЛАЗА В ГЛАЗА

Открытое письмо ненецкой писательнице Анне Павловне Неркаги

Милая Аня!

Только что дочитал твою долгожданную повесть "Белый ягель". Трудно описать волнение, которое не покидало меня, пока я читал эту повесть. Все эти часы ты была рядом, я слышал твой голос, видел твои яркие глаза, то задумчиво-горестные, то искрящиеся лукавством, то цепкие и внимательные. Я и сейчас вижу твои глаза и, глядя в них, хочу высказать тебе все, что передумал, что перечувствовал, читая "Белый ягель".

Я уже не однажды писал и говорил, что любой современный писатель может позабавить афористичности, образности, емкости языка своих произведений. Новая твоё повесть еще раз убеждает в этом. Перелистывая сейчас прочитанные страницы, я вижу на них много подчеркнутых фраз, поразивших меня единением краткости, мудрости и яркости. "У каждого времени... своя правда". "Многие люди говорят лишь для того, чтобы не молчать". "Чем старше человек, тем родней ему прошлое". "Крохотная чистая капелька надежды в душе человека может родить океан". "Жизнь — длинное кочевье, и дорогу в ней всегда выбирает мужчина". "Для любви самая длинная ночь коротка...". "Ребенок рождается в страданиях матери, а истина — в страданиях души". "Весна — начало доброй и светлой молитвы...". "Уходя из человека, слова уносят с собой яд тревог, обид и сомнений".

Можно бы еще выписывать и выписывать зацепившие меня изречения, но ведь я пишу не рецензию, не литературоведческую статью — письмо дорогому мне человеку, добровольно и осознанно зарывшему свой недюжинный жаркий и яркий талант в студеных снегах тундры.

Ты — истинная дочь Тундры. Ее голос. Ее сердце. Ее больная повесть. Тундра с ее буранами и морозами, с ее оленями и собаками, с ее курящимися дымками чумами и будто летящими в белом мареве оленьими упряжками, эта Тундра — живая, голосистая, многокрасочная, своеобразная и капризная, добрая и ласковая, эта Тундра не просто присутствует в твоей повести, а заполняет ее до краев. В этом твой "Белый ягель" — прямое продолжение предыдущих повестей "Алико из рода Ного" и "Илир".

Ты — ненка из рода негнущихся. Единственная на Земле ненка — профессиональная писательница. И лучше тебя никто не поведал миру о своем народе. И здесь, в "Белом ягеле", ты вновь воссоздаешь небольшую по числу, но великолепно-яркую, запоминающуюся галерею отменных образов хозяев тундры — твоих соплеменников. Вану, Пэтко, Хасава да Алешка — вот и все мужское население повести. Но сколько величавого достоинства, сколько нутряной непоказной гордости, сколько душевной чистоты и сердечной теплоты в этой "великолепной четверке", олицетворяющей лучшие черты ненецкого национального характера. Как любовно, как бережно и в то же время как широко и ярко выписала ты героев своей повести. Нет, ты не лакируешь их, не наводишь глянец. Достаточно прочесть повесть Хасава, пронзительно потрясающую повесть этого старого ненца, чтоб убедиться в правоте сказанного мной. Молодец, Аня! Ты — настоящая мастерица пера!..

Нет, не случайно, не для красного словца парек я тебя больной совестью Тундры. Ты сердцем чувствуешь боли и беды своего народа, чутко улавливаешь малейшие перекосы, нежелательные подвижки в его очень трудной, соленой и горькой судьбе. И таким нежелательным порочным перекосом видится тебе проблема стыковки и преемственности поколений. Ты тронула эту струну в своей первой повести "Алико из рода Ного". Наверное, чтоб подчеркнуть проблемную связь этой повести с "Белым ягелем", оба молодых героя в обеих повестях носят одно имя — Алешка, и великолепный пес Буро из первой повести перекочевывает в другую. Но сами отношения между отцами и детьми в "Белом ягеле" уже не те, что в "Алико из рода Ного". В новой повести эти отношения куда жестче, нагостней и страшней. И упорхнувшая из родного гнезда, так и не показавшаяся в повести Илие, и дочка с сыном несчастного Хасава несут в себе такой зрячий недоброежелательства, к тем, кто их породил и вскормил, такое

острое, злобное неприятие законов и обычаев предков, что становится страшно за будущее этого трудолюбивого, мудрого и гордого народа... Вот так должен знать писатель болевые точки жизни своего народа, так настойчиво и активно стремиться к их заживлению...

Меня очень и очень порадовало, Аня, как ты оригинально и ново показываешь в "Белом ягеле" отношения мужчины и женщины, как необычно, в неожиданном ракурсе высвечиваешь самое сложное и самое важное человеческое чувство — любовь. Сейчас литература и искусство упорно и неотступно убеждают нас в том, что суть любви — постель. В обиход прочно внедрено понятие "заниматься любовью". Не любить, не молиться "то робостью, то ревностью", а "заниматься любовью". Ты в этот грязный, нагостный омут оскотинивания человека швырнула толковую шапку огромной взрывной силы. Спасибо тебе за это, Аня Павловна!..

Видишь, сколько мыслей, сколько чувство пробудил во мне твой "Белый ягель". Вместе с тем, твоё повесть беспощадно хлестнула по той болезненной струне, что не дает мне покоя вот уже почти полтора десятка лет. Прошу тебя, Аня, выслушай меня еще раз. Выслушай и пойми. Время бежит. Оно работает не на тебя. Оно вертит не твою мельницу. Послушай мое слово. Пойми мою боль.

Твой "Белый ягель" был написан почти пятнадцать лет назад. Полтора десятилетия возила ты рукопись по тундре, каждый год обещая доделать, дошлифовать, напечатать. Жизнь в нормальных, цивилизованных условиях, за эти годы ты написала бы минимум пять таких повестей, а может, и романов. Подумай, какой невосполнимый урон нанесла ты духовности своего народа, всероссийской культуре за эти пятнадцать лет кочевой жизни.

Полагаю, за эти годы касланий ты под завязку набила свою память, до отказа нагроутила свой разум так нужными писателю наблюдениями, фактами, мыслями, проблемами и т. д. Пора поселиться в настоящей квартире, с теплом, светом, прочими приметами цивилизации. Ты ведь одна, единственная на всей Планете, кого Бог наделил великолепным талантом, кто смог бы, кто смел бы поведать миру о жизни ненецкого народа, о его насыщенных нуждах, о его болях и бедах. Да, тебе, дочери тундры, наверно, вольготнее и хороше в кочевой жизни. Но судьба предначертала тебе не путь оленевода-кочевника, а многотрудную, очень ответственную и почетную стезю писателя — выразителя дум и чаяний своего прекрасного народа.

Мировая история не знает писателя-кочевника. Эти два понятия несовместимы. Они взаимоисключают друг друга. У тебя впереди еще достаточно лет, чтоб реализовать данный тебе Богом дар, создать такие литературные произведения, которые войдут в сокровищницу российской и мировой культуры. Кончай кочевать. Садись за письменный стол. Пиши. Пиши. Пиши...

Верю, найдется в Салехарде добрый человек, который доставит тебе газету с этим моим письмом.

Верю, губернатор вашего округа, государственная голова Ямала Ю. В. Нелов, прочтя это письмо, сделает все возможное, чтобы писательница Аня Павловна Неркаги не собралась в тундре хворост, не шла ягушки и кисы, не выдывала оленьи и песцовые шкуры, а писала романы, повести, очерки, статьи. Ведь власть предрержащие Ямала отвечают перед будущими, перед историей, перед народом не только за экономику, экологию, но и за нравственность своих подопечных, за их духовность. Как же тут не позаботиться о камертоне нравственности и духовности ненецкого народа — о певце, поводе и радете Ямала, великоллепной, неповторимой писательнице Ане Павловне Неркаги.

Верю в это.

Надеюсь на это.

Всей душой желаю этого.

До свиданья, милая Аня!

Спасибо за посвящение "Белого ягеля".

Дай Бог тебе здоровья. Все остальное у тебя есть.

Константин ЛАГУНОВ.
г. Тюмень.